

На правах рукописи

БЕЛОУСОВ Алексей Владиславович

«ЖИЗНЬ АПОЛЛОНИЯ ТИАНСКОГО» И «ГЕРОИКА»:
ФЛАВИЙ ФИЛОСТРАТ В РЕЛИГИОЗНОМ КОНТЕКСТЕ
ЭПОХИ СЕВЕРОВ

Специальность 10.02.14 – классическая филология,
византийская и новогреческая филология

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва
2010

Работа выполнена на кафедре древних языков и древнехристианской письменности богословского факультета НОУ ВПО «Православный Свято-Тихоновский Гуманитарный Университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор

Чистякова Наталия Александровна

Официальные оппоненты: доктор философских наук

Доброхотов Александр Львович

ГОУ ВПО «Государственный университет–
Высшая школа экономики

кандидат филологических наук

Вдовиченко Андрей Викторович

Учреждение Российской академии наук
«Институт языкознания РАН»

Ведущая организация: Учреждение Российской академии наук

«Институт философии РАН»

Защита состоится ___ февраля 2010 г. в ___ часов на заседании диссертационного совета Д 501.001.82 при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова по адресу:

119991, ГСП-1, Мо-сква, Ленинские горы, МГУ, 1 учебный корпус, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Автореферат разослан ___ января 2010 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук
доцент

О.М. Савельева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая работа посвящена историко-филологическому анализу двух сочинений Флавия Филострата: «Жизни Аполлония Тианского» (далее – *VA* – *Vita Apollonii Tyanenensis*) и диалога «О героях»¹ (далее – «Героика»). Флавий Филострат (160 – 240 гг.)² является выдающимся греческим писателем Римской империи эпохи Северов. Со смерти Коммода (192 г.) и до восшествия на престол Декия (299 г.) развивается новая фаза в истории римского общества. С эпохой Северов обычно связывают феномен прогрессирующей ориентализации традиционной римской религии, о чем свидетельствуют, например, расцвет в это время так называемых «восточных мистериальных культов», активная религиозная политика самих императоров, вводящих в официальный римский культ божеств, связанных с восточным происхождением императорской семьи. Наконец, император Элагабал делает местное солярное божество родной Северам Эмесы главой римского пантеона, что свидетельствует не только о стремлении императора отличиться перед своим богом благочестием, но и о существующей в язычестве этого времени тенденции к своего рода единобожию. Примечательным явлением при императорском дворе был кружок жены Септимия Севера Юлии Домны, которая собрала вокруг себя многих культурных деятелей эпохи и проявляла неподдельный интерес к религии и философии, к астрологии и магии. Одним

¹ Этот диалог также принято называть «Героикой» на том основании, что ряд рукописей имеет заголовок Ἡρωϊκά. См.: *de Lannoy L. Flavii Philostrati Heroicus*. Leipzig, 1977. P. 1. (App. crit. ad titulum).

² *Corpus Philostratum* состоит из следующих сочинений: 1) *Vita Apollonii Tyanenensis* (Τὰ ἐς τὸν Τυανέα Ἀπολλώνιον); 2) *Vitae Sophistarum* (Βίοι σοφιστῶν) далее - *VS*; 3) *Heroicus* (Ἡρωϊκός); 4) *Gymnasticus* (Περὶ γυμναστικῆς); 5) *Imagines* (Εἰκόνες); 6) *Imagines II*; 7) *Dialexis*; 8) *Epigramma de Telepho*; 9) *Epistolae amatoriae* (Ἐπιστολαὶ ἐρωτικαί) и другие письма и 10) *Nero* (Νέρων). *VA* и «Героика» атрибутируются Филострату Старшему II (общий обзор вопроса см.: *Flinterman J.-J. Power, Paideia & Pythagoreanism. Greek Identity. Conceptions of the Relationship Between Philosophers and Monarchs and Political Ideas in Philostratus' Life of Apollonius*. Amsterdam: Gieben, 1995. P. 5-14).

из виднейших участников кружка Юлии Домны был Флавий Филострат. В творчестве этого писателя можно заметить еще одно отражение ориентализации – вторжение «восточных» литературных жанров и тем в эллинские жанры и наоборот.

Довольно обширная литература, посвященная творчеству Филострата, за немногими исключениями, была направлена в основном на исследование его литературных источников. Областью поиска этих источников была большей частью греческая же литературная традиция и, особенно для «Жизни Аполлония», раннехристианская новозаветная литература. До сих пор его произведения воспринимались исследователями главным образом как образцы, имеющие своими литературными прототипами чисто греческие жанры, и почти не рассматривались специально с точки зрения отражения в них религиозных настроений его эпохи. Между тем такое исследование необходимо, так как оно имеет большое значение как для более глубокого понимания творчества самого Филострата, так и для решения некоторых важных вопросов истории греческой литературы эпохи Второй софистики. Ориентализация религии в эпоху Северов отражается не только в государственной религиозной политике и свидетельствах умонастроений широких масс, но и во многом элитарной литературе Второй софистики. Рассмотрение сочинений Филострата в более широком контексте литературы средней Римской империи под углом выявления различных религиозных влияний определяет **актуальность** настоящей работы.

Объектом данного исследования являются сочинения Флавия Филострата «Жизнь Аполлония Тианского» и диалог «Героика». Выбор именно этих двух произведений обусловлен тем, что в них затрагиваются темы, преимущественно связанные с религией. В «Жизни Аполлония» рассказывается о жизни легендарного «божественного мужа», пифагорейского мудреца Аполлония из Тианы, а в «Героике» – о героях Троянской войны и им посвященных героических культах. При ближайшем рассмотрении оказывается, что эти два сочинения имеют различные идеологические тенденции. В *IA* Филост-

рат изображает эллинского мудреца-пифагорейца, путешествующего по Востоку и Западу, собирая мудрость восточную и проповедуя эллинскую пропитанную уже ценностями монотеистического порядка. В «Героике» Филострат пишет яркое полотно, сюжетом которого становятся ожившие гомеровские герои и героические культы, и эта политеистическая картина, как кажется, входит в противоречие с рядом ключевых идей «Жизнеописания Аполлония». Закономерно возникает вопрос, не написаны ли эти произведения разными авторами, и, если нет, то как эти тенденции могут гармонично совпадать в мировоззрении одного писателя? Ответ на этот вопрос требует специального исследования жанровой природы обоих сочинений на фоне современной автору истории литературы. От ответа на данный вопрос зависит и достижение поставленной в данном диссертационном исследовании цели.

Целью исследования является восполнение наших знаний о религиозной жизни римского общества конца II – первой половины III вв. на основе анализа сочинений Флавия Филострата «Жизнь Аполлония Тианского» и «Героика». Достижение указанной цели делает необходимым решение следующих конкретных **задач**:

- определение ближайших жанровых параллелей сочинений Филострата «Жизнь Аполлония» и «Героика»;
- выявление новых тенденций в религиозной жизни эпохи Северов, воплощенных Филостратом в образе Аполлония Тианского;
- анализ образа Протесилая в диалоге «Героика» в связи с особой популярностью, которую приобрел этот герой в эпоху империи;
- раскрытие возможностей использования диалога «Героика» для реконструкции такого феномена в истории греческой религии, как культ Ахилла в Северном Причерноморье и Средиземноморье;
- изучение вопроса о возможных сюжетно-смысловых и стилистических связях «Жизни Аполлония» и «Героики» с раннехристианской литературой.

В силу того обстоятельства, что «Жизнь Аполлония» и «Героика» пользовались в истории науки неодинаковой популярностью, решение поставленных выше задач в отношении указанных сочинений требует для каждого отдельного произведения особого подхода. Поэтому, поскольку вопрос об источниках *VA* и «историческом Аполлонии» к настоящему времени разработан удовлетворительно нашими предшественниками, мы касаемся его лишь бегло, ставя акценты лишь на том, что имеет значение для исследования *филостратовского* Аполлония. Для решения же задач, поставленных перед нами «Героикой» мы вынуждены в полной мере пользоваться методами классической критики источников. Это касается в первую очередь вопросов изучения культов Ахилла в Троаде и в Северном Причерноморье.

Методологическую основу исследования составляют традиционные методы филологического анализа текста. В диссертации применяется комплексный анализ, сочетающий изучение жанровой природы и сюжетно-смысловой организации текста с исследованием лексики. Используется также междисциплинарный подход к решению задачи, выражающийся в привлечении материалов и методики папирологии, эпиграфики, археологии и других смежных дисциплин.

Научная новизна диссертации заключается в том, что в ней впервые приобрело обоснование мнение о значимости произведений Филострата как полноценного источника по истории греческой религии. В результате проведенного исследования более глубокое развитие и дополнительные аргументы получила идея о том, что жанровая природа обоих произведений Филострата, восходящая к восточным жанровым прототипам, сама по себе свидетельствует о наличии серьезных религиозных сдвигов в эпоху Северов. В «Героике» как в диалоге-откровении наблюдается не только намеренная пропаганда культа героев среди высших кругов римского общества, что уже отмечалось в литературе, но также присутствуют следы эллинского сопротивления распространению восточных культов и христианства. В *VA*, в биографическом романе, имеющим своим прототипом

жанр ближневосточной ареталогии, Филострат представляет аудитории новый идеальный образ эллинского мудреца-пифагорейца-мистагога. В работе также получили разрешение многие частные проблемы, остававшиеся до сих пор непроясненными.

Практическое значение работы определяется тем, что ее выводы и исследовательская стратегия могут привлекаться при разработке курсов лекций, спецкурсов и спецсеминаров по истории античной литературы и истории античных религий, а также при написании учебных пособий по истории литературы и религии и при составлении историко-филологических комментариев к сочинениям Флавия Филострата.

Апробация диссертации. Основные положения работы были представлены в виде докладов и сообщений на ежегодно проводящейся Институтом лингвистических исследований РАН конференции «Индоевропейское языкознание и классическая филология» (Санкт-Петербург) в 2007, 2008 и 2009 гг. Отдельные части исследования обсуждались в рамках секции классической филологии на «XXXVII международной конференции СПбГУ» в 2008 г. (Санкт-Петербург), на конференции «Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок», проводившейся совместно Государственным Эрмитажем и Институтом истории материальной культуры РАН в ноябре 2007 г. (Санкт-Петербург), на Ломоносовских чтениях в 2007, 2008 и 2009 гг. (Москва) и на Ежегодной богословской конференции ПСТГУ в 2008 г. (Москва). Результаты исследования учитываются в читаемых автором диссертации курсах «Религиозное окружение раннего христианства», «Греческая эпиграфика» и «Греческий язык и авторы».

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав (*«Эпоха Северов, Вторая софистика, Филострат»*), *«Жизнь Аполлония» в религиозном контексте III в.*», *«Героика» Филострата и героический культ*», *«Флавий Филострат и раннехристианская литература»*), заключения, приложения *«Культ Ахилла в Северном Причерноморье: Религиозный контекст рассказа об Ахилле у Филострата»* списка использованных сокращений и списка цитируемой литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **ВВЕДЕНИИ** после обоснования актуальности избранной темы излагается цель, задачи и методология исследования, раскрытые выше.

ГЛАВА I «Эпоха Северов, Вторая софистика, Филострат» посвящена общей характеристике эпохи Северов как переходной фазы в истории римского общества и религиозной истории Империи. Дан краткий очерк истории культуры этого периода с преимущественным вниманием к кружку Юлии Домны и феномену Второй софики. Проанализированы сведения о жизни Флавия Филострата и проблемы корпуса его сочинений. В эпоху Северов восточные мистерияльные культы вступают в фазу своего расцвета. Еще более веским аргументом в пользу тезиса о том, что Северы внесли значительный вклад в углубляющуюся ориентализацию религии, является тот факт, что они вводили в официальный культ местные божества, связанные с происхождением императорской семьи: эмесского бога Солнца, Liber Pater и Геркулеса родного города Септимия, за чьими латинскими именами скрываются пунийские божества Шадрафа и Мелькарт. Наконец, еще одним показателем ориентализации римской религии становится все более усиливающееся распространение христианства, которое в 202 г. Септимий Север пытался ограничить указом о запрете христианского и иудейского прозелитизма.

Одним из наиболее замечательных явлений эпохи Северов является культурная жизнь императорского двора, центром которой был так называемый «кружок Юлии Домны». Юлия Домна была дочерью главного жреца эмесского бога Солнца, Юлия Бассиана. Она получила образование в родной Эмесе и стала второй женой Септимия в 187 г. Именно Юлия заказала Флавию Филострату составление жизнеописания Аполлония Тианского, к которому представители династии Северов очевидно относились с большим почтением³.

³ У Александра Севера, например, в ларарии находилась статуя Аполлония (а также статуи Христа, Авраама и Орфея). См.: SHA, Lamprid. Alex. 29.

Практически все, что создано греческими писателями в эпоху приблизительно с середины I в. по V в., принято называть «литературой Второй софистики»⁴. Эллинский софист императорской эпохи – это виртуозный оратор, который отличается от простого ритора именно своей широкой известностью. Кроме того, истинный «софист», πεπαιδευμένος в истинном смысле слова, является также и просветителем. Этосом Второй софистики была пропаганда и прославление классической эллинской культуры, поэтому неслучайно, что эпоху Второй софистики называют также эпохой «эллинского (аттического) возрождения». Софисты, о которых рассказывает Филострат в своих Βίοι σοφιστῶν происходят из Греции, Малой Азии, Сирии и Египта, Галии, но их всех объединяет язык, образование и темы. Многие софисты были близки к императорскому двору, как и сам автор *VS*, занимая различные высокие посты, например, ab epistulis. Многие были главами риторических школ под патронажем самого императора. Религиозная настроенность основной массы представителей Второй софистики уже отмечалась в научной литературе⁵. Многие из них стремились занимать жреческие должности, и жреческий сан, видимо, действительно имел в то время значение⁶.

Флавий Филострат происходил из знатной лемносской семьи и был афинским гражданином. Точный год его рождения неизвестен, так что на основании его собственных замечаний о его учителях можно предполагать, что он родился между 160 и 170 гг. Юность он, вероятно, провел на Лемносе, а затем

⁴ Само выражение «Вторая софистика» принадлежит Флавию Филострату (*VS* 481, 505). О происхождении выражения «Вторая софистика» см.: *Whitmarsh T. Greek Literature and the Roman Empire: The Politics of Imitation. Oxford, 2001. P. 41-45.*

⁵ См., например: *Mantero T. Ricerche sull' Heroikos di Filostrato. Università di Genova: Istituto di filologia classica e medioevale, 1966. P. 29.*

⁶ Немаловажным обстоятельством, на наш взгляд, является то, что по свидетельству Филострата, Герод Аттик был «мистагогом» в Афинах (*VS* II. 1), Гераклид - «архиереем» (*VS* II. 26), Гермократ – «понтификом» (*VS* II. 25), а сам Филострат, возможно, «эпонимным жрецом» Лемносской Гефестии (*IG* XII, 8. 27) и στρατηγῶν ἐπὶ τὰ ὄπλα (*Ath. Ag.* 447).

приехал в Афины, где учился у софистов Прокла Навкратийца (*VS* 2.21.1), Антипатра Иерапольского (*VS* 2.24.2) и Гипподрома Фессалийского (*VS* 2.27.3), и здесь же в Афинах вступил на поприще софиста и государственного мужа. Неизвестно точно, когда он оказался при дворе Септимия Севера и вошел в кружок Юлии Домны. Во всяком случае, его переезд в Рим состоялся до 212 г., поскольку в этом году Филострат слушал речи своего учителя Антипатра (бывшего в это время учителем Геты и Каракаллы), которые тот читал в Риме (*VS* 2.24.2). Должно быть, вместе с Юлией и Каракаллой Филострат принимал участие в их путешествиях. Самое позднее в 217 г. Филострат получил поручение императрицы написать «Жизнь Аполлония Тианского» (*VA* 1.3). После смерти Каракаллы и самоубийства Юлии Филострат возвращается в Афины и занимается преподавательской деятельностью. Здесь он пользовался немалым уважением, о чем говорит почетный декрет, поставленный афинянами в Олимпии⁷. Скончался писатель в правление императора Филиппа Араба (244-249? гг.). *Corpus Philostrateum* – поистине сложный и трудноразрешимый вопрос, основная проблема которого заключается в том, как соотнести дошедшие до нас сочинения Филострата с тремя членами семьи Филостратов, о которых написано в словаре «Суда» (Ф 421-423). Все эти Филостраты – литераторы, все они с Лемноса и все связаны родственными узами. «Жизнь Аполлония» и «Героика» написаны Филостратом «Вторым» по классификации «Суды», которого сейчас и принято считать Филостратом Старшим, отличая от Филострата Младшего написавшего *Imagines* II.

ГЛАВА II «Жизнь Аполлония» в религиозном контексте III в.» посвящена анализу образа Аполлония Тианского, созданного Филостратом, сопоставлению этого образа с предшествующей и последующей традицией и выявлению тех новых черт в облике этого мудреца, которые засвидетельствованы

⁷ SIG3 878. Надпись IGSK 1,63 (= SIG3 879 = IGR IV 1544) из Эрифр, в которой упоминается сын Филострата – Флавий Капитолин, вероятно, свидетельствует о каких-то связях семьи Филострата с этим городом.

в греческой литературе впервые у Филострата.

Τὰ ἐς τὸν Τιανέα Ἀπολλώνιον («В честь Аполлония Тианского») было написано Филостратом, вероятно, в конце 20-х – начале 30-х годов III в. В пользу этой датировки говорит, во-первых, то, что сочинение написано по просьбе Юлии Домны, но ей не посвящено. Это свидетельствует о том, что «Жизнь Аполлония» была закончена после ее смерти, случившейся в 217 г. Во-вторых, сам автор упоминает о *VA* в своих «Жизнеописаниях софистов», написанных между 229/230-238 гг., а это, в свою очередь, может означать то, что *VA* была уже завершена во время написания *VS*. «Жизнь Аполлония» состоит из восьми книг, в которых описывается собственно чудесное рождение героя, годы учения в Тарсе и Эгах, путешествия его в восточные страны (Вавилония, Индия), странствия в пределах империи, суд над ним Домициана и чудесная смерть (или исчезновение).

Поиск жанрового подобия в идеальной, с точки зрения представителей Второй софистики, литературе классической эпохи приводит к *Institutio Syri* Ксенофонта, сочинению, которое, действительно, весьма сходно с *VA* в жанровом отношении. На *VA* влияют также и ареталогия (предания о «божественных мужах») и современная Филострату биографическая традиция. Вероятно, жанр неопифагорейской биографии имеет своим источником или прототипом жанр «восточной» ареталогии. «Жизнь Аполлония» в этом случае является эллинской доместикацией «восточного» прототипа. Для Филострата характерно «обращать» варварское в эллинское. Это заметно в его образе Аполлония, который нередко демонстрирует свое эллинское превосходство или свою эллинскую конгениальность индийским мудрецам, египетским Нагим, царям, императорам, простым людям. Это же заметно и в «Героике», где Финикиец буквально, на «восточный» манер, претерпевает религиозное «обращение» в эллинскую веру. Возможно, что в этом своем особом обращении с чужеземными жанрами и с чужеземцами приоткрывается мировоззрение самого писателя: эллинское – наилучшее, а если у варваров есть что-то хорошее, то это – эллинское. Не эллины должны обращаться в

варваров, а, наоборот, варвары должны стать эллинами. Вероятно, это и есть та основа, на которой следует искать сближение двух различных идеологических тенденций «Жизни Аполлония» и «Героики».

Одной из важнейших проблем исследований *VA* уже более столетия остается проблема источников. Сам Филострат называет своими источниками «Воспоминания» ассирийского ученика Аполлония Дамида, сочинения Максима Эгийского о пребывании Аполлония в Эгах, сочинения Мойрагена в четырех книгах, местные предания об Аполлонии и сочинения самого Аполлония. Сейчас принято полагать, что Филострат придумал, вероятно, большую часть речей и диалогов, а также разбил материал преданий на эпизоды. В итоге получилось сочинение, по своему жанру занимающее промежуточное положение между биографией и романом.

История изучения этого памятника литературы началась лишь совсем недавно. Более столетия ученых в основном занимали две контroversы: источники Филострата и исторический Аполлоний, а также Аполлоний Тианский и Христос⁸. Соответственно, изучение *VA* шло, в основном, по пути *Quellenkunde* и новозаветных исследований, причем львиная доля исследований *VA* принадлежит именно специалистам по Новому Завету. Неслучайно и то, что именно в библеистике с начала 1970-х гг. утверждается мысль, что первостепенное внимание следует уделить исследованию собственно Филостратова Аполлония. Именно в 70-х гг. произошел коренной сдвиг в изучении *VA*. До того ученые старательно искали реального Аполлония в сочинении Филострата, а сейчас акцент сместился именно на *Филостратов* образ Тианского чудотворца, разумеется, с учетом всех достижений «критики источников». Между тем, поскольку ученых библеистов ин-

⁸ Историю исследований *VA* см.: *Koskenniemi E.* Der philostratische Apollonius. Helsinki, 1991. S. 22-25 и *Koskenniemi E.* Apollonios von Tyana in der neutestamentlichen Exegese. Forschungsbericht und Weiterführung der Diskussion. Tübingen, 1994. S. 18-168. Cf. *Flinterman. J.-J.* The Ubiquitous “Divine Man”// Numen. 43.1. 1996. P. 82-98.

тересовали, прежде всего, вопросы влияния Нового Завета на *VA*, аспекты собственно религиозные, на наш взгляд, до сих пор остаются недостаточно исследованными.

Ценность Филостратова образа Аполлония в том, что Аполлоний Филострата – образ религиозного идеала эпохи писателя. Аполлоний Тианский признается «божественным мужем», однако до сих пор не был поставлен вопрос о том, что же *особенного* в Аполлонии сравнительно с прочими представителями сонма «божественных мужей» античности. До сих пор в литературе лишь едва наметилась постановка вопроса о том, отражаются ли в «Жизни Аполлония» новые черты религиозного мировоззрения эпохи средней Империи. В этой перспективе любой эпизод *VA* и любое высказывание Аполлония вне зависимости от источниковедческих проблем следует считать важным постольку, поскольку писатель включил его в свою «книгу-хвалу».

Во второй главе диссертации проводится сюжетно-смысловой анализ текста *VA* и сопоставление образа «божественного мужа», воплощенного Филостратом в *VA*, с образами «божественных мужей» классической и позднеантичной эпох. Известно, что архаическая и классическая античность не знает единого типа «божественного мужа». Мир «боговдохновенных мудрецов» весьма разнообразен, как разнообразна сама классическая религиозность. Здесь и прорицатели, и мистагоги, и чудотворцы (Орфей, Абарис, Амфиарай, Аристей Проконесский, Эпименид, Гермотим Клазоменский, Меламп, Менекрат, Формион, Полиид, Тиресий, Трофоний, Залмоксис и др.), здесь и поэты (Гомер, Гесиод, Пиндар и др.), и мудрецы (Ферекид, Анаксагор, Пифагор, Парменид, Эмпедокл, Гераклит, Демокрит, Платон и др.), и законодатели (Ликург, Солон и др.). В эпоху эллинистическую и римскую «божественный муж» становится преимущественно философом, не теряя своих и прежде бывших свойств чудотворца, мистагога, целителя и воскресителя мертвых (Аполлоний Тианский, Иисус, Александр Абонотейхский). Примерно в середине III в. н. э. складывается некий единый

образ «божественного мужа», суть которого можно суммировать, пользуясь формулировкой Г. Фоудена, двумя чертами: «Позднеантичная языческая концепция личной святости основана и обусловлена метафизикой Платона и аскетическим благочестием пифагорейской традиции»⁹.

Первой особенностью Аполлония Тианского у Филострата является его необычное положение в ряду «божественных мужей». С одной стороны, Аполлоний является типичным представителем «божественных мужей» архаического и классического времени, сохраняя их обычные свойства, а с другой стороны, отличается от классических «божественных мужей» тем, что он твердо причисляет себя к пифагорейцам. Другим его отличием является то, что он – мудрец-тайноводитель, то есть странствующий учитель, проповедующий кроме философского учения определенные религиозные ритуалы. С позднеантичными «божественными мужами» Аполлония Тианского у Филострата сближает то, что в аскетической практике он – пифагореец, но отличает его от них тем, что он не является платоником. Таким образом, Аполлоний у Филострата как «божественный муж», занимает особенное положение между классическими «божественными мужами» и позднеантичными. Кроме того, образ Филостратова Аполлония, очищенный от связи с черной магией (γοητεία)¹⁰, но, безусловно, не чуждый «хорошей» магии (μαγεία) и астрологии, хорошо вписывается в контекст «герметической» философии¹¹ II-III вв. и, в свою очередь, это раскрывает новый горизонт на мировоззренческом ландшафте самого автора. В позднейшей традиции об

⁹ Fowden G. The Pagan Holy Man in Late Antique Society // Journal of Hellenic Studies. Vol. 102. 1982. P. 37.

¹⁰ Негативная оценка γοητεία присутствует во всех контекстах, где Филострат об этом пишет (См.: *VA* 3.8; 4.18; 7.17; 7.33; 7.34; 7.39; 8.3; 8.19), притом, что слово μαγεία (и родственные) не употребляется ни разу вне связи с персидскими магами, с которыми общается Аполлоний. Сам исторический Аполлоний говорит: ἐγὼ δὲ καὶ τοὺς ἀπὸ τοῦ Διὸς οἶμαι δεῖν ὀνομάζεσθαι μάγους, εἰ μέλλουσιν εἶναι θεῖοί τε καὶ δίκαιοι (Ep. 16).

¹¹ Нельзя не согласиться с Г. Фоуденом, что «герметизм» был вроде «популярной» философии в эпоху Северов. См.: Fowden G. // Cambridge Ancient History. XII. The Crisis of Empire. Cambridge, 2005. P. 529.

Аполлония Тианском те черты, которые впервые появляются у Филострата, получают продолжение¹².

Другим отличием Аполлония Тианского у Филострата по сравнению с предшествующей традицией является то, что Аполлоний Филострата выделяет Солнце из ряда других божеств и особо почитает его (*VA* 1.16; 1.31; 2.38; 7.10; 7.6; 7.31; 8.13; ср. также об индийских мудрецах 2.24; 3.15). Исследователи творчества Филострата (Ф. Баур, Э. Роде) давно обратили внимание на то, что Аполлоний Филострата особенно почитает Солнце. Однако причины этого почитания вскрыты не были. В диссертации выдвигается гипотеза, что причиной столь явного солнцепоклонничества Аполлония у Филострата было стремление выразить религиозные предпочтения императорского двора, в частности угодить вкусам своей покровительницы Юлии Домны или Элагабала. Последнее представляется, на наш взгляд, более вероятным в связи религиозными реформами этого императора. Летом 219 г. Элагабал торжественно вошел в Рим, и, кажется, у нового цезаря лишь одна миссия – установить в Риме культ эмесского бога Солнца. В 221 г. на Палатине инаугурируется новый храм Элагабалиум, куда император стремится снести все святыни Рима: огонь Весты, палладиум, салийские щиты, черный камень Кибелы, культу которой, кстати, он также не был чужд¹³. Все римские культы Элагабал стремился подчинить культу эмесского бога, которого он соединяет узами брака с карфагенской Танит – *Dea Caelestis*. Косвенным свидетельством в пользу предположения о влиянии на солнцепоклонничество Аполлония Филострата деятельности Элагабала может быть эпизод с «чуждым любомудрия», на-

¹²Amm. Marc. 21.14.5; *Erbse H. Fragmente griechischer Theosophien*. (Hamburger Arbeiten zur Altertumswissenschaft 4). Hamburg, 1941. S. 177, № 44 (здесь имя Аполлония упоминается в одном ряду с Моисеем и Гермесом Тризмегистом). Имя Аполлония встречается и в магических папирусах: PGM 11a (V в. н.э.). Вплоть до эпохи Возрождения и даже позже Аполлоний четко ассоциируется с Гермесом Тризмегистом. См.: *Dall'Asta M. Philosoph, Magier, Scharlatan und Antichrist. Zur Rezeption von Philostrats Vita Apollonii in der Renaissance*. Heidelberg, 2008. S. 45-65.

¹³ См.: SHA. Lamprid. Ant. Heliogab. VII 1-2.

глым и самоуверенным индийским царем в третьей книге *ИА*. Этот царь хвастливо заявляет Аполлонию, что «соприроден самому Солнцу» (3.28)¹⁴. Аполлоний вразумляет царя, а также оправдывает в его глазах эллинов, о которых тот до того, под влиянием рассказней египетских торговцев, был невысокого мнения. Нет ничего невероятного в том, что в образе этого царя Филострат изобразил Элагабала, считавшего себя богом и бывшего жрецом эмесского Солнца, который прогонял греческих учителей из императорского дворца¹⁵. Этого же царя он устами Аполлония и поучает (3.28-29; 31-32).

Таким образом, делая своего Аполлония ревностным поклонником Солнца, Филострат отражает монотеистические тенденции своей эпохи, а сам выбор Солнца как объекта религиозного почитания, свидетельствует о придворных культовых предпочтениях.

Особый интерес представляет еще одна особенность образа Аполлония у Филострата – сознательный отказ тианского мудреца от кровавых жертвоприношений и проповедуемая им чистота души и ума, необходимая для истинного религиозного благочестия, – черта, чуждая греческой религии классической и эллинистической эпох. С особенной яркостью этот отказ выражен Тианийцем перед царем Варданом (1.31). В эпоху империи известны примеры отказа от участия в жертвоприношениях. Самыми яркими являются Лукианов Демонакт, заявляющий, что «не думал я, что богиня (Афина – *А.Б.*) в моих жертвах нуждается», и Плотин, который отказывается идти с Амелием в храм, говоря, что «они [боги] должны ко мне приходить, а не я к ним».

Обычно этот отказ объяснялся тем, что Аполлоний Тианский относился к последователям пифагорейского учения, предписывавшего строгое вегетарианство. В диссертации предлага-

¹⁴ ἐμοὶ δὲ ἀρετὴν πᾶσαν καὶ τὸ εἶναί με τὸν αὐτὸν τῷ Ἥλίῳ. Кристофер П. Джонс переводит: «Every virtue, and my being an avatar of the Sun god», см.: Philostratus. The life of Apollonius of Tyana, Books I-IV. / Ed. and transl. by Christopher P. Jones. Harvard, 2005. P. 283.

¹⁵ См. Herod. Ab excessu. 5.7.6.

ется другое объяснение этой черты Аполлония у Филострата. Оно базируется на анализе фрагмента сочинения исторического Аполлония «О жертвоприношениях», сохранившегося в пересказе Порфирия и у Евсевия (*De abstinence* 2.34.2, *Praeparatio Evangelica* IV.12-13), и сопоставлении его с взглядами Аполлония в сочинении Филострата. Во фрагменте трактата *Περὶ θυσῶν* Аполлоний говорит, что должное почтение высшему божеству следует совершать не материальными приношениями, а «умными» (*διὰ δὲ σιγῆς καθαρᾶς καὶ τῶν περὶ αὐτοῦ καθαρῶν ἐννοιῶν θρησκευόμεν αὐτόν*). Филострат, несомненно, опирался на труды исторического Аполлония и не мог не принимать в расчет его мысли об «умной жертве». Эта идея исторического Аполлония согласуется с позицией главного героя *VA*, который явственно говорит о необходимости нравственной чистоты для совершения ритуала и для волхования (I. 11)¹⁶.

Ритуальная чистота (т.е. несоприкосновение со смертью) была очень важной в культе классической греческой и римской религии¹⁷. Иногда требовалась «чистота ума», о чем свидетельствует, например, текст известного постановления в Линде¹⁸. Известно, что в некоторых святилищах практиковалось и исповедание грехов¹⁹. Однако было бы ошибкой полагать, что моральная чистота была везде необходимым условием для совершения обряда. Нужно учитывать также то, что «политеист» не подражал своим богам, как христиане. Для большей части «язычников» «религиозный опыт» означал опыт приспособления к деятельности богов в действительном мире²⁰. Соответственно, нравственная чистота – условие не для «обожения» в христианском смысле, а для «общения» с божеством ради чего-то, в том числе среди философов, и ради «единения с Единым».

¹⁶ Примечательно, что мысль о моральной чистоте присутствует также и в «Героике». Протесилай, например, не терпит прелюбодеев в своем святилище, хотя вообще покровительствует влюбленным (*Her.* 16.1).

¹⁷ *Burkert W.* *Greek Religion.* Harvard, 1985. P. 75-82.

¹⁸ *LSAG* 139, vv. 4-5

¹⁹ *Fowden G.* // *САН XII.* P. 527.

²⁰ *Ibidem.* P. 528.

Таким образом, наличие в образе Аполлония Тианского у Филострата идеи духовной чистоты является свидетельством нового в греко-римской религии, что не было отмечено ранее в исследованиях, посвященных Филострату.

Итак, отказ Аполлония Тианского от кровавых жертвоприношений следует соединять с понятиями духовной жертвы (у исторического Аполлония) и нравственной чистоты души (у Аполлония Филострата), поэтому мы считаем возможным трактовать эти воззрения не только в связи с пифагорейским учением, но и в связи с новыми явлениями религиозной жизни эпохи.

В ГЛАВЕ III «Герои́ка» *Филострата и героический культ* проводится сопоставительный анализ «Герои́ки» Филострата и других произведений, относящихся к жанру «Троянского романа». Кроме того, подробно рассматривается один из основных образов (Протесилай) и одна из основных тем (культ Ахилла) этого диалога.

Действие диалога происходит в городе Элеунте, на южной оконечности Херсонеса Фракийского. Собеседниками выступают виноградарь и финикийский купец. После вводного обмена любезностями финикиец узнает, что виноградарь – человек, посвященный герою Протесилаю, первому из павших под Троей греков (Ном. II. II 695-710), который не только помогает виноградарю в уходе за виноградником, но и обсуждает с ним события Троянской войны и также духовно просвещает того. Благодаря этой встрече финикиец понимает значение своего недавнего сновидения, в котором он читал каталог кораблей Гомерово́й Илиады, и решает поговорить о героях, прежде чем снова отправиться в плавание. Диалог посвящен беседе о героях, пересказываются гомеровские сюжеты, которые дополняются и даже исправляются на основании свидетельств «авторитетного критика» Гомеровых песен Протесилая. Заключительная часть диалога повествует о главном герое Троянской войны Ахилле. Здесь рассказывается о жизни Ахилла с самого его рождения, о культе его в Троеде, о его посмертном бытии на острове Белом, где он живет вечной жизнью со своей женой Еленой. Диалог Флавия Филострата «Герои́-

ка» представляет собой многослойное литературное произведение, в котором религия тесно переплетена с литературой, причем отделить одно от другого довольно сложно. «Героикку» традиционно принято относить к жанру так называемого «тroyанского романа», типичного представителя «литературы вымысла» императорской эпохи.

Важно отметить, что многие черты «Героики» сближают этот диалог с литературой «откровения» и «апокалиптической» литературой в целом²¹. Виноградарь – медиум для откровения Протесилая, Финикиец – восприимчив откровения, а сам Протесилай – представитель мира богов и героев. Виноградарь подробно описывает эпифании Протесилая, историю Троянской войны (от начала и до конца), говорит о наказании, постигшем фессалийцев за неисполнение обряда в честь Ахилла на Сигее (эсхатологический мотив), рассказывает о собственном обращении к культу Протесилая и, наконец, обращает в эллинские культы и Финикийца. Филострат заставляет звучать восточный жанр «откровения» по-эллинически, представляет откровение об эллинских героях и «обращает» Финикийца, человека с Востока, того Востока, который в эпоху писателя стремительно обращает в свои религии римский мир. Все эти особенности диалога позволяют взглянуть на творчество Филострата с новой стороны и показывают что любовь Второй софистики к эллинскому имеет, безусловно, и религиозное звучание.

«Героикку» традиционно принято относить к жанру так называемого «тroyанского романа», типичного представителя «литературы вымысла» императорской эпохи. По этой причине диалог до сих пор недооценивался в качестве важнейшего источника по истории греческих героических культов. Именно поэтому в диссертации проведен анализ «Героики» в контексте «тroyанского романа», рассмотрено употребление Филостра-

²¹ См.: *Collins J.J.* Introduction: Towards the Morphology of a Genre // *Apocalypse: The Morphology of Genre* / Ed. by J.J. Collins. Semeia. 14. 1979. P. 1-20. Об эллинских и римских апокалипсисах см.: *Attridge H.W.* Greek and Latin Apocalypses // *Ibidem*. P. 159-186.

том слов «μῦθος» и «ἱστορία» и проанализированы особенности критики Гомера в диалоге в сравнении с традицией такой критики у греческих писателей императорского времени.

Предпринятое исследование показало, что Гомер для Филострата – в первую очередь историограф. Филострат, на наш взгляд, стремится показать гомеровских героев не только как героев литературы, но и как героев, действительно существующих как θεοί и δαίμονες и требующих культа. Филострат в своей коррекции Гомера преобразует гомеровские μῦθοι в действительное знание (ἱστορία), переданное Протесилаем. Опираясь, в первую очередь, на то, что Филострат считает ἱστορία, а не μῦθοι, возможно использовать «Героику» в качестве источника по истории античной религиозности. Задача «Героики», как нам представляется, – показать гомеровских героев не только как героев литературы (причем литературы пропитанной «мифами» и поэтическими преувеличениями), но и как героев реально существующих (в качестве θεοί и δαίμονες) и донныне и требующих воздаваемого им культа, причем культа божественного.

Ключевым персонажем диалога является Протесилай, поэтому в работе подробно исследуется этот образ у Филострата на фоне истории рецепции образа Протесилая в античности. В целом, можно отметить, что архаическая эпическая поэзия выделяет в образе Протесилая, главным образом, его «первенство» в высадке на Троянский берег и сознательную героическую смерть; классическая трагедия, в лице Эврипида, делает акцент на невозможности для Протесилая преодолеть смерть и, соответственно, на необходимости для Лаодамии решиться на смерть; эллинистическая литература уже дерзает делать Протесилая героем комедии. Классическую римскую литературу, в первую очередь, поэтов августовской эпохи в мифе о Протесилае и Лаодамии, прежде всего, интересует любовь, преодолевающая смерть. А вот у писателей эпохи Империи образ Протесилая всплывает, как правило, в контексте темы воскресения после смерти и даже в языческой полемике с христианством. Именно с его славой в это время как «пер-

вого воскресшего», а также с паломничеством Каракаллы к могиле Ахилла на Сигее в 214 г. связано то, что Протесилай избран Филостратом на роль главного авторитета в «Героике». Сама история Протесилая, по Филострату, воскресшего дважды (в первый раз лишь на несколько часов, а во второй, очевидно, победив смерть, навсегда), возможно, является отзвуком малоазиатского мифа о погребенном, сокрушенном в первой битве и восставшем для окончательной победы, Тархунте. Поддержку этой гипотезы, вероятно, можно видеть в словах Геродота (Hdt. 9.116), где перс Артаик говорит о Протесилае как о $\tau\epsilon\theta\nu\epsilon\omega\varsigma \kappa\alpha\iota \tau\acute{\alpha}\rho\iota\chi\omicron\varsigma \acute{\epsilon}\omega\nu$.

Значительное место в диалоге уделяется культуре Ахилла. В связи с этим культ Ахилла в Троеде и в Северном Причерноморье становится объектом специального исследования в III главе и в приложении к главе диссертации. Представляются очень важными слова виноградаря в «Героике» о том, что обряды фессалийцев на Сигее в честь Ахилла схожи с обрядовыми церемониями в честь детей Медеи и Меликерта, а также с ритуалом Лемносского очищения огня (Her. 52.3)²². Сравнение обрядовой стороны этих культов с фессалийским культом Ахилла позволяет приблизиться к пониманию природы культа божественного героя Ахилла на Сигейском мысу. Все эти обряды совершаются ночью, совмещая в единой церемонии жертвоприношения, как хтонические ($\tau\grave{\alpha} \acute{\epsilon}\nu\alpha\gamma\acute{\iota}\sigma\mu\alpha\tau\alpha$) так и олимпийские ($\alpha\acute{\iota} \theta\upsilon\sigma\acute{\iota}\alpha\iota$), что, с другой стороны, указывает и на исключительную небесно-хтоническую природу самих божеств, почитаемых этими ритуалами. Все эти церемонии, очевидно, являются инициациями, то есть обрядами перехода и мистериальны по своей природе. Таким образом, анализ сведений, содержащихся в диалоге о культе Ахилла на Сигее, позволяет серьезно расширить наши представления о героических культах древности, а выводимая из

²² «(Фессалийцы), ежегодно приходящие на его (Ахилла) могилу, пели в ночи, смешивая ритуалы посвящения ($\tau\epsilon\lambda\epsilon\tau\acute{\eta}\varsigma$) с приношениями герою ($\tau\omicron\acute{\iota}\varsigma \acute{\epsilon}\nu\alpha\gamma\acute{\iota}\sigma\mu\alpha\sigma\tau\upsilon$)».

сопоставления данных Филострата с прочими источниками типология ритуальных действий позволяет в значительной мере восполнить и уточнить наши знания об этих культах.

Известно, что культ Ахилла в Причерноморье – один из топосов литературы Второй софистики. Предтечей софистического интереса к этому культу можно считать 36-ю «Борисфенитскую» речь Диона Хризостома. «Перипл Понта Эвксинского» Арриана демонстрирует уже сложившийся стойкий интерес к острову Ахилла на Черном море. Флавий Филострат со своим рассказом об Ахилле находится по этой причине вполне в контексте своей эпохи. Ахилл, эллинский героический идеал, очевидно, с наибольшей полнотой воплощал в себе качества настоящего Эллина. В это же время развитие культа Ахилла в Северном Причерноморье достигает своего пика. Поэтому для того чтобы легенды, переданные Филостратом об Ахилле на Белом острове, не остались без контекста, мы предлагаем общий очерк развития культа Ахилла на Понте на основе литературной традиции, эпиграфических и археологических памятников, об этом культе свидетельствующих. Этот очерк *«Культе Ахилла в Северном Причерноморье: Религиозный контекст рассказа об Ахилле у Филострата»* помещен в конце диссертации в качестве **Приложения** к данной главе.

Проведенный в работе подробный филологический анализ сообщений Филострата о последней наследнице рода Приамидов и о нападении амазонок на остров Ахилла показал, что есть основания предполагать – ввиду их фольклорного характера – возможность того, что они имеют местное, причерноморское происхождение. Обе легенды, вероятно, восходят к местным причерноморским преданиям об Ахилле Владыке Понта и божестве Северного берега Черного моря. Быть может, это храмовые предания с Ахиллова острова.

В **ГЛАВЕ IV «Флавий Филострат и раннехристианская литература»** рассматривается проблема о соотношении *VA* и Нового Завета, а также ставится вопрос о связи «Героики» с раннехристианской литературой.

Тот факт, что сходные места в «Жизни Аполлония» и Но-

вом Завете стилистически различны, а также, то, что Филострат вообще нигде не цитирует NT, вероятно, может иметь двойное объяснение. Возможно, Филострат заимствовал новозаветные сюжеты из третьего источника и переработал их, либо, что еще более вероятно, источником этих сюжетов являются τόποι эллинистических преданий, т.е. эллинистическо-римских ареталогий о «божественных мужах». Однако решить долгое время волновавший библеистов вопрос, является ли Аполлоний тем самым «типичным» θεῖος ἀνὴρ, в соответствии с образом которого первые христиане создавали образ Спасителя, не представляется возможным.

Как известно, традиционному эллинскому благочестию было чуждо представление о «любви к божеству». Классическая эпоха не имела такого понятия, и слова Аристотеля, что «было бы абсурдом, если кто-то скажет, что дружит с Зевсом» (ММ. 1208 b 30), убедительно это подтверждают. В этой связи представляется чрезвычайно интересным рассказ в «Героике» Флавия Филострата о любви одного троянского земледельца к герою Паламеду. Предпринятый нами анализ выражений «ἀγαπᾶς, ὃν μὴ γινώσκεις», «φιλῶ σε, ᾧ Παλάμηδες» в «Героике» в связи с историей употребления в греческом языке глагола ἀγαπάω (и других) по отношению к божеству показывает, что «любовь к божеству» как «свое» понятие появляется у эллинов вероятно на рубеже эллинистической и римской эпох. Первый и почти единственный до Филострата пример являет нам XII «Олимпийская» речь Диона из Прусы. «Любовь к герою» у Филострата представляется важной вехой в истории эллинской религиозности и, возможно, возникает под влиянием христианства.

Исследование употребления Филостратом глаголов ἀναβίωω и ἀνίστημι показало, что ввиду строгого употребления Филостратом для обозначения «воскресения» глагола ἀναβίωω²³ (и никогда ἀνίστημι) можно с достаточной долей уверенности согласиться с Г.Д. Бецем в том, что ἀναβίωω –

²³ Her. 2.9.; 2.10; 5.2; 9.5; 58.2. См. также: *VA* 1.1; 4.45; 5.32; 7.9; 8.7; Ep. 63.

terminus technicus для обозначения «воскресения»²⁴ и, скорее всего, Филострат намеренно употребляет только его. Если принять идею о латентной антихристианской направленности его сочинений – «Жизни Аполлония» и «Героики», то постоянное использование для обозначения «воскресения» именно глагола ἀναβίωω может быть свидетельством в пользу этой идеи.

В ЗАКЛЮЧЕНИИ излагаются результаты выполненного диссертационного исследования:

1. Для обоих исследованных в диссертации сочинений Филострат, вероятно, имел прототипами восточные жанровые образцы. Причем жанр пифагорейской биографии «Жизни Аполлония» имеет своим прототипом жанр «восточной» ареталогии, который Филострат умело преобразует в биографический роман, а жанр ближневосточного откровения (с моментом религиозного обращения) «приручается» как эллинский диалог, ведущий к ценностям не моно- или генотеистическим, как «Жизнь Аполлония», но к древней политеистической религии греков, преобразованной рядом опять-таки восточных, но эллинизированных писателем понятий: любовью к божеству, нравственной чистотой, воскресением. Единой тенденцией обоих сочинений является «эллинизация», сознательное «обращение» Филостратом чужого, но доброго в эллинское и отрицание всего дурного как варварского.

2. В диссертации представлен анализ образа Аполлония Тианского в сочинении Филострата «Жизнь Аполлония». Этот анализ показал, что в образе Аполлония у Филострата проявляются качественно новые черты, отличающие его от предшествующей традиции о «божественных мужах» в целом и об Аполлонии Тианском в частности.

В ходе исследования было выявлено, что важнейшими

²⁴ Betz H.D. Hero Worship and Christian Beliefs: Observations from the History of Religion on Philostratus's Heroikos // Philostratus's Heroikos: Religion and Cultural Identity in the third Century C.E. / Ed. by J.B. Maclean and E.B. Aitken. Leiden, 2003. P. 30, n. 31.

отличительными особенностями Аполлония в изложении Филострата являются его особое положение в ряду «божественных мужей», исключительное почитание Солнца и идея нравственной чистоты. Исследование показало, что наличие перечисленных особенностей в созданном Филостратом образе Аполлония обусловлено влиянием происходившей в эпоху Северов ломки традиционных религиозных представлений и рождением новых. Это дает основание утверждать, что «Жизнь Аполлония» Флавия Филострата содержит в себе отражение многих характерных явлений религиозной жизни эпохи, и поэтому может и должно рассматриваться как полноценный источник для изучения греческой религии III в. н. э.

3. Протесилай избран в «Героике» в качестве представителя божественного мира потому, что этот герой в литературе Второй софистики часто встречается в связи с темой воскресения, в то время столь популярной и являющейся одной из центральных тем «Героики».

4. На примере культа Ахилла, который является одной из ведущих тем диалога «Героика», в диссертации показано, что «Героика» Филострата является не только пропагандистским сочинением, написанным в форме развлекательного произведения, типичного для греческой «литературы вымысла» эпохи Римской империи, но также и то, что свидетельства писателя о культах позволяют восполнить наши знания о греческой религии. Исследование показало, что «Героика», которую прежде не считали важным историческим источником, должна занять полноправное место в ряду источников по истории героических культов Древней Греции.

5. Подробное рассмотрение вопроса о возможных влияниях раннехристианской письменности на «Жизнь Аполлония» и «Героику» очевидно склоняет в пользу мнения о том, что эти произведения написаны Филостратом независимо от прямого влияния христианской литературы. Исследование представления о «любви к богу» в «Героике» Филострата на фоне истории греческой лексики, связанной с этим представлением, а также анализ употребления Филостратом глаголов ἀναβίωω и ἀνίστημι

в рассказах о воскресших героях показывают, что выносить суждение о возможном христианском влиянии на писателя следует очень осторожно. Это влияние, вероятно, может состоять в том, что, с одной стороны, Филострат избегает слов, имевших в его эпоху уже четкие христианские коннотации (ἀνίστημι), а с другой – подвергает изначально христианское учение эллинской интерпретации (любовь к божеству).

Проведенное в диссертации исследование показывает, что, несмотря на безусловное и первостепенное значение для истории античной религии императорского периода источников эпиграфического и археологического характера, не следует недооценивать и литературу Второй софистики. При всей своей художественности сочинения Филострата, очевидно, могут служить как источником для эпохи жизни писателя, так и для реконструкции религиозных фактов более или менее отдаленного от автора эллинского прошлого. «Жизнь Аполлония» и «Героика» представляются особенно ценными для истории идей именно в том отношении, что написаны, вероятно, на стыке различных идеологических влияний: неопифагорейства, герметизма, христианства.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНЫ:

в публикациях в изданиях, принадлежащих к списку ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК (редакция: апрель 2008):

1. *Белоусов А.В.* Ахилл и амазонки на Белом острове // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XI. Материалы чтений памяти профессора И.М. Тронского. СПб., 2007. С. 15-20.

2. *Белоусов А.В.* Почему Протесилай? Героика Филострата и воскресший герой // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XII. Материалы чтений памяти профессора И.М. Тронского. СПб., 2008. С. 18-29.

3. *Белоусов А.В.* Pythagorica-Hermetica: К вопросу об источниках Philostr. Vita Apoll. III. 34 // Индоевропейское язы-

кознание и классическая филология – XIII. Материалы чтений памяти профессора И.М. Тронского. СПб., 2009. С. 61-69.

4. *Белоусов А.В.* Новая книга о культуре Ахилла в Северном Причерноморье // Вестник древней истории. № 4. 2009. С. 221-228.

По теме диссертации также имеются следующие публикации:

5. *Белоусов А.В.* Нереиды и культ Ахилла на Боспоре // Боспорский феномен: сакральный смысл региона, памятников, находок. СПб., 2007. Т. I. С. 30-35.

6. *Белоусов А.В.* Der Achilleus-Kult im nördlichen Schwarzmeerraum vom Beginn der griechischen Kolonisation bis in die römischen Kaiserzeit. Beiträge zur Akkulturationsforschung / Hrsg. von Joachim Hupe. Rahden/Westf.: Leidorf, 2006 // Вестник ПСТГУ. Филология. IX. М., 2008. С. 117-130.

7. *Белоусов А.В.* Флавий Филострат в контексте die Schwindelliteratur эпохи Империи: Критика Гомера в диалоге Ἠρωϊκός // Классическая филология: Материалы секции XXXVII Международной филологической конференции, 11-15 марта 2008 г. СПб., 2008. С.20-25.

8. *Белоусов А.В.* Matthias Dall'Asta. Philosoph, Magier, Scharlatan und Antichrist: Zur Rezeption von Philostrats Vita Apollonii in der Renaissance. Heidelberg, 2008 // Вестник ПСТГУ. Серия I. Богословие, философия. 3 (27). М., 2009. С. 104-111.

9. *Белоусов А.В.* «Embeddedness» и «семейное сходство» эллинских религий: теоретический контекст современных исследований древнегреческой религиозности // XIX ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. М., 2009. С. 78-80.

10. *Белоусов А.В.* Ахилл, Палемон, дети Медеи и Лемносское очищение. К вопросу о фессалийском культе Ахилла в Троеде (Philostr. Her. 52.3-54.1) // Новый Гермес. Вестник классической филологии и археологии. Вып. 3. 2009. С. 65-83.